

Стихи Николаю Дронникову в Париж

КОЛОКОЛА ЦЕРКВЕЙ ВСЕХ ОТЗВЕНЕЛИ

И глух собор готический к мольбе.
Твоя печаль слезою вдоль недели
Течет, вновь замкнут ты в самом себе.
Кругом Париж в привычном ликованье.
Являет дерзко вымысел и песнь.
А ты устал от множества страданий,
Их невозможно записать и счесть.
И вороны парят над площадями,
Глаза у них тоскливы и пусты.
И выстроились черными рядами
Над Сеною старинные мосты.
Не выбирая место для прогулок,
Ступаешь гулко ты в ночную тьму,
Но каждый твой загадочный рисунок
В себя вдохну, потом его пойму.

КАК ПУТНИК, ОТПРАВЛЯЯСЬ В ПУТЬ НЕБЛИЗКИЙ,

Обозреваешь отчие места,
Чтобы вдоль улиц праздничных парижских
Полет услышать не шмеля — листа
Кленового, и Волгой станет Сена,
И зашумит внезапно березняк
Легко, азартно, просто, вдохновенно —
Не где-то далеко, а в двух шагах.
И сосны зашумят над головою,
Как будто снова с ними говоришь.
Услышишь ты, как псы сердито воют,
Но этот вой прощает им Париж.
Тот вой похож на русские метели,
Что по тайге проносятся стремглав,
Где белые застыли акварели,
Все остальные краски вмиг поправ.

КАК ХЛЕБНИКОВ ПИСАЛ, СОБОР ГРАЧЕЙ ОСЕННИЙ

На холст осядет твой, на снег настроив путь.
Уже в который раз ты обретишь спасенье,
И легкая печаль твою заменит грусть.
Любой творец — клошар, изгнанник из уюта,
Из самого себя задумчивый изгой.
Ты был самим собой — ты не менял маршрута,
Ты изводил себя обидой и тоской.
Правители — шуты, правительства нелепы.
Когда поет душа, и в такт карандаша
На чистый лист души ложится птичий лепет,
Как зимняя метель, преграды все круша.
Ты инеем писал и дождевой струею,
Ты Сену расписал и Волгу сохранил.
Ты до сих пор звенишь осеннею листвою,
Хоть снег давно твои виски запорошил.

СОВЕГОВАЛ КАМЮ ПОЧУВСТВОВАТЬ ЛАДОНЬЮ

Шершавый край стены, чтоб прошлое понять.
А в памяти твоей леса рокоцут болью,
Горит костер утрат и долго плачет мать.
Свободою горя, ты выбрал путь скитальца,
Не продавал талант, себя не предавал.
Ристалища судьбы в твоём мозгу теснятся,
Где угол вознесен и призрачен овал.
Твой плот несется вспять, а волны все страшнее,
Крапивою грозят шеренги прошлых лет.
А память, как петля, удавкою на шее.
Как камень тяжела, в ней никаких побед.
Твой плот несет вперед, и ты устало правишь.
Вновь на листе звучат колокола церковей.
И смотришь ты вперед, и тосковать не вправе,
И жизнь впритык к волне, и дышится вольней.

ТЫ СМЕЛО ЛИНИЮ ВЕДЕШЬ,

Надеясь на успех,
В нее уже впечатан дождь,
Уже мерцает снег.
И персонажей в ней не счесть,
Но все они светлы,
Ведь волны посылают весть
И Сены, и Невы.
О чем нам говорит платан,
О чем тоскует клен?
Айги уверен: ты — ТИТАН,
И не ошибся он.
Дубы твердят речитатив.
Ольха поет верлибр.
Но главное — рисунок жив,
Как Сена, Рейн и Тибр.

Рисунок Н.Д. Дронникова

Падают в землю каштаны...

* * *

Там, где зреют термидоры,
где текут густые реки,
где живут тореадоры
и играют солнцем греки,
Там, где реет профиль Данта,
где заря смыкает вежды,
там живут официанты,
подающие надежды.
Где сидят чужие люди
от Хусейна и Саддама,
там несут на спелом блюде
сны поэта Мальдештама...
...Там, где Родины не будет,
позовут на Страшный Суд,
и, как голову на блюде,
стих к обеду поднесут...

Вспоминание о городе

Какая брeнность — жить и быть.
Выходит ночью из дворов —
и тут тебе звезда!
Там климат Персии родной
не кажется чужим,

там беспробудно спят леса,
готовые на слом.
Там ливней пеняется полки,
там летний свой полет
готовят с детства пауки
подоблачных высот.

Там ночь на улицах Москвы,
там Долгорукий князь
сидит на лошади литой
и жестом правит речь.